

Уже тогда победители стали создавать легенду о своей блестящей и окончательной победе. Между тем до настоящей победы большевиков было еще очень далеко — власть Советов распространялась исключительно на Оренбург, город оказался в кольце сил, не принимавших большевистскую власть. Но история мятежа, которого не было, на этом действительно завершилась. А продолжалась Гражданская война, в ходе которой возникла еще одна легенда — о выдающемся казацком вожде А. Дутове.

Д.А. Сафонов

Тайна века

Пролог

Двадцатый век с его удивительными открытиями оставил миру ряд великих тайн. Среди них гибель последнего российского императора Николая II. В этой монаршей и человеческой судьбе как в капле воды отразилась трагедия нашей Родины в нынешнем столетии.

Россия вступила в XX в. великой страной. С ней вынуждены были считаться ведущие мировые державы. Оставаясь преимущественно аграрным государством, она быстро набирала темпы промышленного развития, выходя на передовые позиции в мировой экономике по многим важнейшим показателям. Относительное благополучие уже тогда позволило стране иметь положительный баланс внешней торговли и устойчивую конвертируемую валюту.

Однако мир стоял на пороге крутых перемен. Передовые западные державы вступали в завершающую стадию перехода от традиционного, аграрного к современному, индустриальному обществу со всеми вытекающими отсюда кардинальными изменениями цивилизационной значимости. Россия отставала.

Получив верховную власть в октябре 1894 г., Николай II не принял должных мер по преодолению этого отставания, ограничился полумерами в социально-экономической и политической областях, что проявилось в отношении к реформам Сергея Витте и Петра Столыпина, преобразованиях государственной системы. Вступая на престол, он к большому неудовольствию левых сил заявил о своей категоричной приверженности самодержавию, типичному атрибуту традиционного общества, но никто больше его не сделал для разрушения самодержавной власти. Разрешенная им Государственная Дума и политические партии начали бешеную травлю царя и привели к небывалому расколу общества. Этот парадокс до сих пор по-настоящему не изучен.

Начавшаяся в 1905 г. революция позднее переросла в Гражданскую войну, которая в разных

формах продолжалась до конца века и грозит перекинуться в следующий. Камнем преткновения в этой войне был выбор пути России в будущее. Различные политические силы отстаивали свое понимание модернизации страны, но толковали ее не адекватно сущности данного процесса, чем наносили непоправимый урон государству и обрекали на страдания его народ.

Во внешней политике государя тоже копилась противоречия. С одной стороны, он руководствовался напутствием, данным ему за два дня до кончины отцом Александром III о том, что «у России нет друзей», и старался не вмешиваться в международные конфликты, выступал с мирными инициативами. С другой стороны, оказался втянутым в губительные для страны военные авантюры. Стараясь с помощью войны с Японией заглушить революцию 1905 г., он только усилил ее размах. Не желая воевать с Германией, царь все же вверг государство в страшную бойню Первой мировой войны, которая явилась прелюдией гибели монархии и его самого. Между тем, по оценке будущего британского премьера Уинстона Черчилля, «Россия была близка к победе в этой войне, когда ее корабль пошел ко дну... Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена... Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо». Такой парадокс пока еще тоже не осмыслен. Просчетами и неудачами русского монарха умело пользовались его противники на международной арене, которые стремились ослабить Россию в условиях передела мира на рубеже новой эпохи.

В конечном счете трагедия императора заключалась в неразрешимом противоречии между глубоким убеждением в необходимости сохранить традиционный уклад России и модернизационными изменениями в мире. Судьба Николая Романова, а в итоге и всей страны зависела не только от его характера и мировоззрения, но и от времени, в которое он жил. Именно оно в значительной степени предопределило противоречивость принимаемых им решений, которые воспринимаются ныне как парадоксы той эпохи.

Как ни чудовищно звучит, но парадоксальна даже гибель Николая II. В ходе революционных событий 1917 г. он 2 марта отрекся от престола за себя и за своего несовершеннолетнего сына Алексея в пользу брата Михаила, но тот отказался от восприятия верховной власти до решения Учредительного собрания, что хорошо известно из многочисленных публикаций. Поэтому мы не видим смысла на этом останавливаться. Наша задача заключается в том, чтобы проследить дальнейшую судьбу бывшего императора, полную парадоксов и до сих пор неразгаданных тайн, которые имеют далеко не личностное значение.

Поначалу Николай Романов на основе распоряжения Временного правительства был отправлен в Царское Село и находился там под стражей вместе с семьей до 1 августа 1917 года. Затем выслан в Тобольск, где относительно спокойно прожил до конца апреля 1918 года. А после началась серия загадочных, труднообъяснимых событий, приведших к его смерти, которая до сих пор остро дискутируется во всем мире.

За рубежом издано более пятидесяти монографий, специально посвященных его гибели, десятки книг в последнее время появились в России, не говоря уже о многих сотнях статей. Большинство из них написано на материалах «белого» следствия и демонстрируют лишь одну сторону медали, что не может дать полной и объективной картины происшедшего. Мы пытаемся опираться на весь спектр источников, известных сегодня, особенно на ставшие доступными нам ранее секретные документы ВЧК, и будем стараться представить картину гибели царской трагедии возможно более емко, не отвлекаясь на второстепенные детали, потерявшие ныне принципиальную значимость.

Секретная миссия

Ситуация вокруг семьи Романовых заметно обострилась после заключения Брестского мира. Ряд зарубежных авторов (А. Булыгин, С. Мельгунов, А. Саммерс и Т. Менгольд, а также и другие) высказывают предположение, что он содержал условия их освобождения. Булыгин пишет: «Вильгельм планировал реставрировать монархию в России. И было бы совершенно ясно, что династия, чудесным образом спасенная, не может остаться враждебной к высшим кругам германского общества». Возможно, кайзер так и рассуждал, более того, он боялся распространения российской анархии на свою страну, однако Булыгин не приводит никаких доказательств на сей счет. А сам Николай II категорически отвергал этот договор. Саммерс и Менгольд на основе скрупулезных исследований договора пришли к выводу, что конкретного пункта, по которому царь и его семья должны быть освобождены, не существовало, но они не исключали возможность какого-то устного соглашения.

Короче, ни доказать, ни опровергнуть существование явных или тайных статей Брестского мира, которые бы предусматривали спасение Романовых, пока никому не удалось. Может быть, вопрос проще? В договоре есть статья 21, которая гласит: «Гражданам каждой из договаривающихся сторон, которые сами или предки которых являются выходцами из территории противной стороны, должно быть предоставлено по соглашению с властью этой страны право на возвращение на родину, из которой происходят они или их предки, в течение десяти лет пос-

ле ратификации мирного договора». Она вполне могла относиться к царице Александре Федоровне (немке по происхождению), возможно, и к ее детям. Если это так, то понятно, почему до разгрома Германии в Первой мировой войне и аннулирования условий договора советское правительство официально не признавало гибель императрицы и ее детей.

Через неделю после ратификации Брестского мира, 1 апреля 1918 г., состоялось постановление Президиума ВЦИК, которое предусматривало усиление надзора за Романовыми в Тобольске и возможность их перевоза в Москву. Через пять дней вышло новое постановление о переводе всех арестованных с царем на Урал. Вывоз царской семьи из Тобольска объяснялся якобы подготовкой монархического заговора с целью освобождения Николая II и отправки его за границу. Однако ни колчаковский следователь Николай Соколов, ни советские исследователи не смогли это доказать. Соколов приводит многочисленные факты внимания к бывшему царю со стороны монархистов во время его тобольского заточения, но констатировать сформировавшийся заговор не решает. Более того, заявляет: «Увоз Государя из Тобольска не зависел от желания русских монархистов спасти его. Они даже и не знали об этом».

Тогда возникает вопрос: зачем советскому правительству понадобилось срочно это делать? Исчерпывающего ответа на него нет до сих пор. По мнению ряда советских и зарубежных историков, курс брался на Москву, а далее мнения диаметрально расходятся. Одни считают, что там должен был состояться суд над Николаем II, другие видели в этом акте использование царской семьи на переговорах с немцами. Как бы то ни было, решение о перевозе состоялось.

Секретная миссия по осуществлению этого плана была возложена на чрезвычайного комиссара ВЦИКа Василия Яковлева, который до недавнего времени оставался загадочной фигурой. Одни считали его полномочным представителем советского правительства, другие называли предателем большевизма и пособником монархических сил. Работая в начале 1990-х гг. в секретных архивах ВЧК, нам удалось в какой-то мере приподнять завесу тайны над этим человеком. Важным источником послужили его телеграммы в Москву по пути следования царского поезда в Екатеринбург и письма 1930-х гг. Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Иосифу Сталину, наркомму НКВД Николаю Ежову, а также личное удостоверение, подписанное Феликсом Дзержинским.

Из них следует, что Яковлев (Мячин, Стоянович) был убежденным большевиком, выполнял задания партии, начиная с 1905 г., прошел эмиграцию, активно участвовал в октябрьском перевороте 1917 г., а затем после небольшого

зигзага в своей биографии, связанного с комитетом Учредительного собрания, вел длительную революционную работу в Китае. Возвратившись на Родину, был репрессирован, как и многие его товарищи по партии. Не остается никаких сомнений в том, что комиссар Яковлев свято выполнял волю высшего партийного руководства. Вопрос в другом — как интерпретировать его поведение во время движения царского поезда из Тюмени в Екатеринбург?

По воспоминаниям комиссара, свое назначение он получил от председателя ВЦИК Якова Свердлова, который заявил при этом: «Совет народных комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал». Тут же в Екатеринбурге ушла правительственная телеграмма: «Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите. Задача Яковлева — доставить Николая в Екатеринбург живым и сдать Белобородову или Голощекину. Яковлеву даны самые точные и подробные инструкции. Все, что необходимо, сделайте. Сговоритесь в деталях с Яковлевым». Вместе с этой телеграммой в Центральном архиве Министерства безопасности России, где она была обнаружена, находится большой пакет инструкций, регламентирующих каждый шаг царской семьи и ее охранников.

Комиссар Яковлев появился со своим вооруженным отрядом в Тобольске в 20-х числах апреля. После краткой, но упорной борьбы с местной охраной и сопротивления самого Николая II ему удалось получить бывшего царя в свои руки. Он очень торопился. Сроки вывоза «багажа» (так в секретной переписке именовалась царская семья) были жесткие. Ранним утром 26 апреля Николай Александрович с Александрой Федоровной и их дочерью Марией были посажены в повозки и по льду Иртыша, готовому в любой момент тронуться, перевезены на другой берег.

В пути следования до Тюмени, как установил следователь Соколов, комиссар вел интенсивные дискуссии с Николаем II. Везший их кучер сообщил, что «Яковлев «вертел» царя, а царь ему не поддавался». О чем шел спор? Если о мире с Германией, как предполагают на Западе, то напрасно. Николай II занимал по отношению к нему крайне негативную позицию. Здесь фиксируется новый романовский парадокс. Те, кто больше всего играл на обвинениях Романовых, особенно царицы, в предательстве государственных интересов, попытках заключения сепаратного мира с Германией, сами как раз это и сделали.

Через сутки в Тюмени Яковлев посадил Романовых в поезд, который двинулся в сторону Екатеринбурга, но после первого же перегона изменил маршрут, пошел обратно — на восток к Омску. Яковлевская рокировка широко известна из ранее опубликованной литературы, но в

чем ее смысл? Об этом гадают более 80 лет. Ультраревolutionное руководство Урала увидело в таком шаге измену, предательство интересам революции и обратилось с телеграммой к Ленину и Свердлову, в которой требовало арестовать Яковлева и вместе с Николаем II доставить на расправу в Екатеринбург. Некоторые западные исследователи в действиях Яковлева тоже усматривают предательство, его стремление увезти бывшего царя за границу. Отдельные российские авторы постперестроечного периода пытаются разглядеть в этой рокировке дьявольски хитрые замыслы центрального большевистского руководства. Возможно, что-то пока осталось за кадром, но имеющийся в нашем распоряжении обмен телеграммами между Яковлевым и Свердловым во время данного инцидента показывает, что все обстояло проще.

В самом начале своего трюка Яковлев телеграммой сообщил Якову Свердлову: «Только что привез часть багажа. Маршрут хочу изменить по следующим чрезвычайно важным обстоятельствам. Из Екатеринбурга в Тобольск до меня прибыли специальные люди для уничтожения багажа. Отряд особого назначения дал отпор, едва не дошло до кровопролития... Не добившись своей цели ни в Тобольске, ни в дороге, ни в Тюмени, екатеринбургские отряды решили устроить мне засаду под Екатеринбургом... Если это расходится с центральным мнением, то безумие везти весь багаж в Екатеринбург... предлагаем все это перевезти в Симский горный округ, где мы его сохраним как от правого крыла, так и от левого. Предлагаю свои услуги в качестве постоянного комиссара по охране багажа вплоть до ликвидации. Я вас предупредил, и теперь решайте».

В ответ на это Свердлов телеграфирует Уралоблсовету: «Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным в 4 часа утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз — никакого вмешательства». А Яковлеву сообщает: «Немедленно двигай обратно в Тюмень. С уральцами договорились. Приняли меры — дали гарантии личной ответственностью областников (имеются в виду екатеринбургские большевики. — В.А.)». Комиссар выполнил данную ему директиву — 30 апреля доставил Романовых в Екатеринбург и сдал под расписку председателю областного Совета Александру Белобородову. Секретная миссия чрезвычайного комиссара Василия Яковлева завершилась, не оставив к сегодняшнему дню особых тайн.

Очевидно, что у центрального руководства был специальный план переброски Романовых

на Урал, где сформировалось наиболее радикальное и надежное крыло партии, куда были перевезены многие ценности государства и секретные архивы. В 20-х числах мая бывший матрос, советский активист Павел Хохряков доставил из Тобольска в Екатеринбург дочерей Николая II Ольгу, Татьяну, Анастасию и сына Алексея со слугами. В Пермь попал брат царя Михаил, а в Алапаевск — сестра царицы Елизавета Федоровна, князь Иоанн Константинович, Константин Константинович и другие родственники царской семьи.

Уральская Голгофа

Екатеринбург встретил свергнутого императора сурово. Грозная толпа на перроне настоятельно требовала явить его народу. Должностным лицам пришлось долго маневрировать, чтобы высадить Романовых в безопасном месте. Прибывших разместили в центре города, в доме инженера Николая Ипатьева, который был обнесен высоким забором и усиленно охранялся. Комендантом Дома особого назначения первоначально был назначен Александр Авдеев, которого позднее, перед казнью, сменил Яков Юровский.

Здесь они прожили 78 дней, которые воспринимаются во всем мире как трагически-символический рубеж российской истории XX века. Начало положили февральско-октябрьские события 1917 г., а эти дни подводили под ним своеобразную черту. Здесь произошло размежевание исконной Руси и ее временного советского варианта, бесправный конец носителя законной власти и зарождение большевистского произвола, который принес неисчислимые страдания отечеству в нынешнем веке. Конечно, советская власть много сделала для перехода от традиционного, аграрного общества, символом которого было царское самодержавие, к современному, индустриальному, но ее завоевания были преданы в конце века так же, как и православный царь в начале века, что вернуло страну в состояние почти такого же хаоса, как и в дни его гибели. Порочный круг замкнулся. Вот почему так важно объективно разобраться в глубинных причинах гибели последнего императора, как предтечи краха российской государственности XX века.

Трагические семьдесят восемь дней едва ли не поминутно расписаны многочисленными авторами различного политического толка как в России, так и за рубежом, но при этом до сих пор не решены принципиальные вопросы романовской трагедии: в чем объективные и субъективные причины гибели династии; какое значение это имело для страны; почему уничтожение семьи состоялось именно в середине июля 1918 г.; кто принял такое решение; кого конкретно расстреляли; возможно ли было кому-то спастись;

где останки убиенных; как оценивать последние попытки найти эти останки и увековечить их память; как отнести к канонизации царской семьи? Ответить на все вопросы с исчерпывающей полнотой все еще не представляется возможным, поскольку не сохранились многие важные документы, а к некоторым нет доступа. Попытаемся кратко ответить на те из них, которые обеспечены надежными источниками, и высказать соображения по дальнейшему изучению загадочных страниц российского царевубийства.

Полтора месяца, проведенные Николаем II на Урале, были полны тревожного ожидания, что зафиксировано в дневниках его самого и его жены, а также в «Письмах царской семьи из заточения», изданных в начале 1970-х гг. в Нью-Йорке. Находясь в заключении, Романовы много читали, главным образом, религиозную литературу, страницы которой символически напоминали их положение и роковой конец.

Судьба одного из самых могущественных монархов своего времени решалась узкой группой московских и екатеринбургских партийных функционеров. Это очередной парадокс в судьбе Николая Романова. Возвращаясь из сибирской ссылки, Яков Свердлов и Филипп Голощекин поклялись застрелить «Николая Кровавого». Такой шанс представился летом 1918 года. Разумеется, что дело не только в «личных обязательствах» бывших ссыльных. В то время советская власть оказалась в тяжелом положении, особенно в первой половине июля, когда трудности на фронтах Гражданской войны осложнились левозэровским мятежом в Москве. 5 июля они убили германского посла Мирбаха и спровоцировали один из самых опасных кризисов для большевиков.

В этих условиях обострилась ситуация вокруг Романовых. Стало очевидно, что провести судебный процесс над Николаем II не удастся. Между тем, с одной стороны, немцы и большевики пытались их использовать каждый в своих интересах. С другой же стороны, белая армия приближалась к Екатеринбург, и не исключалась возможность захвата царственных узников. Романовский вопрос обострился до предела.

Решался он трудно, еще труднее три четверти века спустя разобраться в том, как это делалось, кто принимал решения и как они исполнялись? Существуют десятки версий, одна экзотичней другой. Ясно одно: все делалось в глубокой тайне. В первой декаде июля между Москвой и Екатеринбург велась интенсивные консультации. С московской стороны ими руководил председатель ВЦИК Яков Свердлов, с екатеринбургской — военный комиссар Уральской области Филипп Голощекин. Установлено, что последний специально ездил в Москву, останавливался на квартире Свердлова и предваритель-

но обговаривал с ним детали ликвидации царской семьи. По-видимому, существовал особо секретный план по уничтожению всех Романовых на Урале, но его пока обнаружить не удалось.

Началась эта акция с расстрела 12 июня брата царя Михаила в Перми, а закончилась зверским уничтожением 18 июля в Алапаевске великих князей. Эти два эпизода кровавой драмы, в основном, изучены и не представляют тайны сегодня. Значительно сложнее с самим самодержцем, поскольку достоверных источников очень мало. Как правило, версии строятся на воспоминаниях или показаниях второстепенных лиц, а они субъективны и противоречивы, более того, многие специально запрограммированы на отвлечение от истины. Парадокс заключается в том, что этими изъятиями грешат в равной мере как «белые», так и «красные» источники. Никто не хотел говорить правду. Делалось это по разным причинам, но вело к одинаковым результатам.

В основу нынешнего толкования екатеринбургской трагедии положена так называемая записка Юровского начала 1920-х годов. Из нее следует, что «16.VII. была получена телефограмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых». Это была московская телеграмма, поступившая через Пермь в связи с нарушением прямой связи Екатеринбурга с Центром. Кто принял такое решение в Москве, Юровский не сообщает. И мы, скорее всего, об этом никогда не узнаем. Хуже того, Москва долго от него отрешивалась, утверждая, что оно было принято уральцами. В самом деле, один из активных уральских функционеров того периода Павел Быков позднее писал, что 12 июля исполком Уралоблсовета принял решение о казни царской семьи в связи со сложным военным положением в регионе, но этого документа никто никогда не видел. Возможно, так и было. Принятое решение требовало утверждения Центра, что произошло 16 июля.

Исполнение московского приказа началось в ночь на 17 июля. Семье и слугам было предложено спуститься в подвальное помещение Дома особого назначения, где их ждала расстрельная команда, возглавляемая комендантом дома Яковом Юровским. По его рассказу 1934 г., Николаю II было сказано, что «Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять. Он спросил: «Что?» и повернулся лицом к Алексею, я в это время в него выстрелил и убил наповал. Тут началась беспорядочная стрельба. Когда стрельбу приостановили, то оказалось, что дочери, Александра Федоровна и, кажется, фрейлина Демидова, а также Алексей еще живы... Тогда приступили достреливать (чтобы было меньше крови, я заранее предложил стрелять в область сердца). Алексей так и остался сидеть окаменевши, я его пристрелил. А в дочерей стре-

ляли, но ничего не выходило. Тогда Ермаков пустил в ход штык, и это не помогло, тогда их пристрелили, стреляя в голову. Причины того, что расстрел дочерей и Александры Федоровны был затруднен, я выяснил только в лесу... на дочерях были лифы, так хорошо сделаны из сплошных бриллиантовых и других ценных камней, представлявших из себя не только вместилище для ценностей, но вместе с тем и защитные панцири. Вот почему ни пули, ни штык не давали результатов при стрельбе и ударах штыка. В этих их предсмертных муках, кстати сказать, кроме их самих никто не повинен. Это только фрагмент из циничной исповеди палача. Оказывается, бессудно расстрелянные люди сами повинны в своих мучениях. Такова логика исполнителей воли революционных директив. Всего было расстреляно 11 человек.

Утром в Москву ушла телеграмма: «Председателю Совнаркома тов. Ленину. Председателю ВЦИК тов. Свердлову. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбург и раскрытия чрезвычайной комиссией белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного Совета в ночь на 16-ое июля (так в телеграмме. — В.А.) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место». Она требует серьезных комментариев. Во-первых, документы о заговоре были фальшивыми. Их сфабриковали сами убийцы. Этот вопрос подробно раскрыт в нашей книге «Гибель царской семьи: мифы и реальность». Во-вторых, дата расстрела на сутки вперед дает основание некоторым исследователям доказывать гибель в ту ночь двойников и спасения всей царской семьи. В-третьих, неприятель действительно приближался к Екатеринбург, но он был взят белыми только через десять дней. За это время царя можно было свозить в Москву несколько раз, как, например, благополучно ушел с Урала «золотой эшелон» с остатками сокровищ романовской империи. Несмотря на явные передержки, телеграмма была одобрена ВЦИКом и Совнаркомом.

Вскоре в столицу пришла другая телеграмма: «Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации». Ее шифровка была обнаружена следователем Сергеевым на Екатеринбургском телеграфе после взятия его белыми. Ее подлинность вызывает большие сомнения, трудно поверить, что при тщательной конспирации уничтожения царской семьи такой важный документ был легкомысленно оставлен на телеграфе. Телеграмма была расшифрована западными специалистами и до сих пор не дешифрована российскими. Не исключено, что за теми цифрами скрывается совсем другой смысл.

Несмотря на очень серьезные сомнения, указанная телеграмма является единственным официальным источником, подтверждающим гибель всей царской семьи. Других документов на сей счет не существует.

Закончив кровавую вакханалию в подвале Ипатьевского дома, Юровский приступил к сокрытию трупов, что подробно изложено в его записке, которая вызывает серьезные и обоснованные сомнения вплоть до отрицания ее подлинности. Об этом написано очень много. Ограничимся упоминанием полярных позиций. Юровский утверждал, что трупы расстрелянных он укрывал на Коптяковской дороге, предварительно облив их серной кислотой. Двоих — Алексея вместе с горничной Демидовой (по ошибке вместо Александры Федоровны) — сожгли и закопали останки под кострищем. Другой активный участник этой драмы Петр Ермаков перед смертью (30 марта 1952 г.) признался, что Голощекин приказал ему «в первую очередь сжечь дотла три тела: Николая II, Алексея и Анастасии, но при этом головы их в огонь не бросать». Зубной техник Голощекин лично «объяснил», что зубы не горят, поэтому головы будут уничтожены в серной кислоте. И три головы «куда-то забрал» Петр Войков (комиссар Уральского областного правительства, будущий посол Советской России в Польше, убитый русским белоэмигрантом за расстрел Романовых. — В.А.). Для удобства сожжения тела были разрублены... На древесном угле мы жгли. Поливали бензином и жгли». Именно использование очень калорийного древесного угля из Коптяков снимает сомнения в возможности сжечь тела на открытом огне. Оставшиеся кости «похоронная команда» сгрэбла в пустой кувшин изпод серной кислоты и сбросила в болотный забун. Аналогичным образом конец этой кошмарной истории излагал Павел Быков в своей книге «Последние дни Романовых», вышедшей в 1926 г. в Свердловске и вскоре угодившей в спецхран. Вероятно, какие-то основания для подобной трактовки были.

19 июля 1918 г. в газете «Известия» появилось сообщение о расстреле Николая II. К судьбе остальных членов семьи Романовых официальные источники никогда не обращались. Между тем, по страницам российской и зарубежной прессы покатила волна дезинформации. Ее смысл сводился к тому, что если не вся семья, то по крайней мере ее женская часть осталась жива. Как это ни странно, но такая информация подтверждалась выступлениями лидеров советского режима.

Сразу после официального сообщения о расстреле экс-императора немцы пытались добиться у советского наркома иностранных дел Георгия Чичерина разъяснения по этому поводу.

Поначалу он уклонялся от ответа. А потом заявил, что «царица отправлена в Пермь». Через полтора месяца после исчезновения семьи один из видных деятелей Коминтерна Карл Радек предложил обменять Романовых на русских пленных, а затем высказался за их обмен на лидеров польской социал-демократии. Член политбюро партии большевиков Григорий Зиновьев говорил, что царь убит, а семья живет в безопасности в одном из сибирских городов. Пресса не исключила из списка «сохранителей» царской семьи даже руководителя советских чекистов Феликса Дзержинского, который якобы высказывался в том смысле, что женщины Романовы не были убиты в Екатеринбурге.

Как относиться к таким заявлениям? По всей вероятности, это была дисциплинированная поддержка официального советского заявления. Такой вывод подтверждается обнаруженным нами в Архиве Президента Российской Федерации документом, принадлежащим российскому послу в Германии Адольфу Иоффе, который писал, что Дзержинский ему рассказывал, как Владимир Ленин категорически запретил кому бы то ни было сообщать о гибели царской семьи. «Пусть Иоффе ничего не знает, — говорил Ленин, — ему там в Берлине легче врать будет». Вот так и врали, пока в этом была надобность, по крайней мере до поражения Германии в Первой мировой войне и аннулирования условий Брестского мира.

А для многих авторов, разрабатывающих тему гибели царской семьи, конъюнктурные выступления советских руководителей дали повод утверждать, что если не вся семья, то по крайней мере ее женская часть осталась жива. Так, американский автор А. Ричардс категорически заявляет: «Есть все основания полагать, что Романовы не только спаслись от коммунистов, но и от смертного приговора Соколова (колчаковского следователя, который в свое время убедил мир, что вся семья была расстреляна и сожжена. — В.А.)». Свой вывод Ричардс подтверждает детективной историей о том, как секретарь Григория Распутина Арон Симонович выделил крупные деньги на спасение Романовых, с помощью которых доверенные люди якобы сумели подкупить охрану Ипатьевского дома, разлить там ведро человеческой крови, бросить в костер соседнего леса горсть бриллиантов и увезти царскую семью к западной границе. Близких взглядов придерживаются известный французский историк Марк Ферро и российский писатель Лев Сонин.

Еще детективней складывалась судьба романовских сокровищ, оставленных в Тобольске и Екатеринбурге. Царская семья имела при себе огромные ценности. По данным англичанина Д. Тревина, при выезде из Царского Села только Александра Федоровна и великие княжны имели

при себе драгоценностей на один миллион рублей. Надо полагать, что вся эта сумма исчислялась в твердой валюте, которая многократно выросла в ходе инфляции за время Гражданской войны. Многие изделия представляли собой уникальные произведения искусства и составляли национальное достояние.

Какова судьба фамильных драгоценностей Романовых? Ответить на данный вопрос трудно. До недавнего времени он даже не поднимался. В ходе поисков документов о расстреле царя нам удалось выявить в архивах бывшего КГБ любопытные материалы о судьбе царских драгоценностей, которые считались бесследно исчезнувшими в кровавых событиях лета восемнадцатого года. На самом деле большая их часть попала в руки советской власти, а вот куда они ушли, трудно сказать.

Сразу же после расстрела царской семьи организатор этой акции Юровский отвез в Москву и передал коменданту Московского Кремля Малькову значительные ценности. Акт передачи скреплен подписями и печатями с той и с другой стороны. В архиве сохранились списки золотых и серебряных изделий, многочисленных предметов домашнего обихода. В перечне золотых вещей обозначено 60 предметов, среди которых мужские и дамские часы, портсигары, в том числе знаменитый платиновый с сиреневой эмалью в золотой ажурной оправе с бриллиантами чистой воды. В перечне личных вещей семьи собольные, горностаевые, котиковые шапки, муфты, накидки, вуали, пледы, гвардейские бушлаты, черкесские кафтаны и прочее.

Вторая более крупная партия драгоценностей шла к подвалам Московского Кремля долго, сложнейшим и мучительным путем, о чем повествует трехтомное досье на 21 человека Уральского ОГПУ за 1922–1941 годы. В нем приводятся данные о том, как перед отъездом из Тобольска в Екатеринбург Александра Федоровна передала кожаный чемоданчик с золотом и бриллиантами местному духовенству. По одной версии, он сначала попал к священнику Тобольской Благовещенской церкви Алексею Васильеву, но в 1929 г. он умер, а ценности продолжали хранить родственники. По другой версии, они были отданы камердинером Терентием Чемодуровым игуменье Тобольского монастыря Дружининой, которая незадолго до смерти передала их своей помощнице благочинной Марфе Ужинцевой. Возможно, эти версии где-то пересекаются, поскольку фамилии, названные в том и другом случае, перекрещиваются на очных ставках.

На допросе 29 ноября 1933 г. Ужинцева показала, что она со священником Васильевым была вхожа в дом, где размещалась царская семья. Перед отъездом Романовых в Екатеринбург Чемодуров принес ей большой сверток и попро-

сил передать игуменье в монастырь, что она медленно и сделала. Там ценности хранились до закрытия монастыря в 1923 г., после чего вернулись в руки Ужинцевой, которая спустила их сначала в колодец, а потом зарыла в могиле на монастырском кладбище.

Измученная тяжелой тайной, Марфа потеряла сон и аппетит. Отчаявшись, решила бросить ценности в реку Иртыш. «Перед тем, как исполнить это решение, — сообщила она следствию, — я обратилась за советом к Василию Корнилову — местному рыбопромышленнику, который был связан с нашим монастырем и с которым я была знакома. Когда я сказала о своем решении, он страшно испугался и замахал на меня руками: что ты, что ты? Ведь установится настоящий порядок, настоящая власть, тогда с тебя отчет спросят. Ведь в Иртыш тебя заставят за ценностями лезть. Я совсем растерялась, не знала, что делать. Потом попросила Василия взять ценности на хранение к себе... Через несколько дней после разговора с Корниловым я пришла к нему на квартиру, принесла с собой ценности, две стеклянные банки и два тусека. В эти банки и тусеки я переложила ценности из свертка, спустилась с Василием в подполье, и там вместе и зарыли их».

Через некоторое время Корнилов уехал из Тобольска. В доме на протяжении нескольких лет жили разные люди, в том числе милиционеры, ищущие царские сокровища и не подозревающие, что они у них под ногами. Марфа между тем ходила мимо и скорбела о судьбе своего тайника, пока чекисты не арестовали ее в октябре 1933 г. и не заставили указать место хранения драгоценностей. Тусеки были вскрыты, их содержимое легло на стол ОГПУ и составило перечень более чем 150 наименований: золотые с драгоценными камнями диадемы и подвески, браслеты, множество колец с бриллиантами и изумрудами, рубинами, жемчугом.

Пресса разных стран сокрушается о потерянной на Урале знаменитой броши Александры Федоровны, поистине бесценном сокровище с бриллиантом в 100 карат. Эта брошь под номером 1 значится в описи изъятых драгоценностей. Там же присутствует царский герб из бриллиантов; уникальный турецкий подарок царю — бриллиантовый полумесяц с пятью большими камнями по 70 карат и россыпью средних бриллиантов; роскошные панагии и многое другое.

Общая стоимость обнаруженных драгоценностей составила значительную по тому времени сумму — 3,3 млн золотых рублей. По всей вероятности, она значительно выше, если учесть их художественные достоинства и мировые цены. Вряд ли это могли сделать приглашенные чекистами оценщики, судя по оформлению документов, малограмотные люди — Зверев и Боровских.

Первый даже не мог расписаться. Вместо подписи он поставил три креста. Это еще один печальный парадокс в царской истории.

Подведем некоторые итоги. Уральская Голгофа разделила российскую историю на две неравные части: романовскую и советскую. Расстрелом законного царя без суда и следствия незаконная власть большевиков положила начало массовому террору в стране. По оценке одного из лидеров советского режима Льва Троцкого, «казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врагов, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель».

Думается, что трагедию Романовых надо понимать шире, чем просто большевистский произвол. В брошюре архимандрита Константина «Памяти последнего царя», изданной в Джорданвилле (США) в 1968 г., есть любопытная мысль: «Все готовы обличать большевиков. На этом все сходится. А разве в этом дело? С большевиков взятки гладки! Они ведь только произнесли последнюю букву страшной азбуки, которую выдумали не они! Задуматься же над тем, где начинается этот жестокий мерзостный алфавит, мало кто хочет». Если задуматься, то придется пересмотреть проблему отречения императора от трона и значительную часть последующей русской истории, особенно последних ее страниц, но это не входит в задачу данного очерка. Мы рискуем только констатировать, что по своей значимости расстрел Николая II можно поставить в один ряд с гибелью английского и французского королей во время революций в этих странах, а также с сараевским и далласовским убийствами.

Не последнее значение имеет вопрос о характере уральского цареубийства. Что это: народная месть, политическая, уголовная или ритуальная акция? В советской литературе расстрел долгое время квалифицировался как заслуженная кара кровавого тирана. Такая интерпретация убийства, хотя и поддерживалась миллионными обездоленных людей в ходе революции и Гражданской войны, не носит строгого юридического характера. Заметим, что по советским законам 1918 г. царь не мог быть расстрелян даже по суду. Поэтому-то, видимо, и была предоставлена возможность уральским большевикам учинить внесудебную расправу без всякой ответственности за нее.

Необходимо внести ясность в рассуждения о ритуальности убийства царской семьи. К этому вопросу в 1920-е гг. обращались английский журналист Роберт Вильтон, помогавший следователю Николаю Соколову, сам Соколов, позднее профессор А. Пагануцци и др. Он возник после того, как на одной из стен комнаты Ипа-

тьевского дома, где совершалось убийство, были обнаружены каббалистические знаки и цитата из стихотворения Генриха Гейне на немецком языке о царе Валтасаре, убитом своими рабами. Эти несколько строк обошли весь мир и цитировались почти во всех книгах, касающихся екатеринбургского цареубийства.

Попытка расшифровать каббалистические знаки в 1920-е гг. не была признана, но и не отвергнута. Их ритуальный характер прочно вошел в сознание русского зарубежья. В Советском Союзе в связи с запрещенностью книг о гибели царской семьи с ними мало кто знаком. В наши дни интерес к данному вопросу возрастает. В начале 1990-х гг. в Израиле была опубликована, а в 1992 г. переиздана в Москве книга Михаила Хейфеца «Цареубийства в 1918 г.» В своем публицистическом труде автор отталкивается от рукописи, найденной в архиве Иерусалимского центра по исследованию и документации восточно-европейского еврейства и приписываемой профессору экономики Иерусалимского университета в 1930-х гг. Бер-Дов Бруцкосу, в прошлом активному участнику разработки аграрных проблем в России.

Главная мысль рукописи, по оценке Хейфеца, заключалась в том, что «еврейский народ в этом подлом деле (убийстве Николая II. — В.А.) не участвовал». Приведенную цитату можно с полным основанием поставить эпиграфом к сочинению самого Хейфеца. Автор приводит веские доказательства против юдофобства гибели Романовых. Они основаны на переосмыслении многих известных фактов, их справедливом уточнении, но они не несут принципиально новой информации, а ограничиваются только многочисленными умозаключениями. Главными виновниками гибели царской семьи он считает не исполнителей казни, среди которых были люди разных национальностей, а большевистских лидеров: Ленина, Сталина, Свердлова. Если с последним вопросом в принципе ясен, то по первым двум еще никто не привел конкретных и веских доказательств, в том числе и Хейфец.

Решение проблемы каббалистических знаков лучше всего начинать по принципу: а был ли мальчик? На собрании старых большевиков Урала 1 февраля 1934 г. в Свердловске после выступления Юровского ему было задано много вопросов (в том числе таких, которые проливают свет на истинность его высказываний по царскому делу, но до сих пор не проанализированных). Среди них вопрос Моисеева: «По книге Соколова видно, что на стене осталась какая-то каббалистическая надпись на немецком языке и фашистский знак на окне». Ответ Юровского: «Это недопустимо, не могло быть. Это может быть произведение белых. Может, они сами написали». Если верить Юровскому, то во время

расстрела никаких надписей не было. Они появились позднее и не принадлежат его организаторам и исполнителям. В таком случае проблема снимается сама собой. Однакостораживают два обстоятельства. Во-первых, некорректность вопроса. Правильнее воспринимать каббалистические знаки и надпись на немецком языке автономно друг от друга. Во-вторых, Юровский напрасно отрицает наличие свастики на окне. Широко известно, что ее оставила сама бывшая императрица. Правда, из ответа Юровского не ясно, все ли он отвергает или только ритуальные надписи. Ученым предстоит большая работа, чтобы разобраться в очень сложной и деликатной проблеме.

Что касается сердцевины тайны века: кто из Романовых уничтожен, а кто, возможно, остался цел, то она не раскрыта до сих пор. Николай II расстрелян, как официально признано советской властью, а что стало с остальными членами семьи? Если они погибли, то где останки убиенных? Не стоит забывать классическое юридическое правило «нет трупа — нет убийства». До сих пор не найдены останки Алексея и Марии. Заключение об обнаруженных под Екатеринбургом костяках нуждается в серьезной перепроверке.

Эпилог

Царя расстреляли, а проблемы России остались. После его гибели Гражданская война, которую он надеялся предотвратить своим отречением, запылала с новой силой. В ее пламени сгорели десятки миллионов людей, в большинстве так же незаконно и безвинно, как царь, а победа оказалась пирровой. Страна была отброшена на много лет назад. Курс, взятый большевиками на мировую революцию, оказался нерезальным и губительным для Отечества.

С его поражением советская власть вернулась к проблеме модернизации, которая решалась поспешно, ценой огромных жертв. И хотя Россия превратилась в индустриальную державу, далеко ушла от традиционного аграрного общества, она не обрела благополучия на этом пути, поскольку западные теоретические постулаты плохо адаптировались к национальным традициям. Велась явная и скрытая борьба между властью и народом за выбор более оптимального пути. Гражданская война на многие годы ушла в подполье. Ее проявлениями надо считать гигантский размах сталинских репрессий, хрущевскую и брежневскую борьбу с инакомыслием, наконец, переворот 1991–1993 годов.

Параллельно с этим то затихали, то снова разгорались страсти по монаршей судьбе. Красные комиссары долго гордились участием в расправе над царской семьей, а потом притихли, когда начались массовые репрессии. Екатеринбургские палачи Александр Белобородов, Фи-

липп Голощекин и их поделщики сами стали жертвами системы, которую они с таким энтузиазмом создавали. Для остальных сталинский окрик «о Романовых ни слова» стал табу на многие годы.

В народной среде память о Романовых наиболее ощутимо проявилась в поддержке многочисленных претендентов на российский престол. Только на Урале нам удалось извлечь из ранее совершенно секретных архивов материалы о 18 самозванцах, тогда как в смуту XVII в. во всей России насчитывалось 12. Их деятельность продолжалась с 1922 по 1952 г. и охватила весь Урал, нередко выходя за его пределы, вплоть до Алтая и Украины. Здесь обнаружили «царь», «царица», «царевич Алексей», «князь Михаил», «княжны Анастасия, Мария, Ольга, Татьяна» и некий «Гриша не простого рода».

Самозванцы основывались на безусловной вере духовенства и простого народа в то, что православный царь, помазанник божий и его дети таинственным образом спаслись и рано или поздно должны вернуться на престол, избавить страну от ненавистного советского строя, «являющегося властью антихриста». Один из таких самозванцев Михаил Поздеев признался 7 апреля 1952 г. в том, что в своих выступлениях распространял ложные слухи о том, что царь Николай II будто бы жив, что он со своей семьей скрывается в пещерах около г. Верхотурья Свердловской области, внушал присутствующим, что скоро советская власть в России будет уничтожена, царь Николай займет снова свое место. Для большей убедительности выдавал себя за брата Николая II — Михаила.

На поприще признания или непризнания самозванцев разгорелись не только политические страсти и криминальные разборки, но и семейные драмы. Когда Иван Гаинцев из Бузулука узнал, что его жена Прасковья «стала приверженкой Поздеева М.А. и украдкой снабжает его продуктами, одеждой, снабжает деньгами, я тут же не стал с ней жить. И с 1945 г. порвал с ней всякую связь как с женой».

Другая претендентка в Романовы, бывшая монашка Екатерина Шангина-Бочкарева, выдавала себя за дочь Николая II Марию. Она убеждала уральцев в том, что царь спасся и живет за границей, наследник Алексей с двенадцати лет жил в Камышловле, там окончил школу и уехал в Читу, где проживает под вымышленной фамилией.

Подобные разговоры привлекали внимание многих. В конечном счете они выливались в антисоветскую пропаганду. В апреле 1937 г. в беседе с Феклой Евдокимовой «Мария» доказывала: «Вот советская власть скоро придет к гибели, потому что народ весь ослаб, стал бессилен, потому что не признает Бога. Скоро бу-

дет старая власть, тогда мы заживем по-старому» и продолжала: «Ведь на Советский Союз идет самая сильная воинственная страна Японии. Она, конечно, победит Советский Союз. И ты тоже, наверное, хочешь вместе с коммунистами попасть под расправу этой страны». За такие речи Шангина-Бочкарева была приговорена тройкой УНКВД по Челябинской области к расстрелу, который приведен в исполнение 30 октября 1937 г. в 18 часов. Не только подлинных, но и мнимых Романовых продолжали уничтожать через двадцать и тридцать лет после их отречения от престола. Это ли не рецидивы столетней гражданской войны в России.

Самозванчество на поприще Романовых приобрело международный характер. То из Германии, то из США, а то из Японии или Китая поступала информация о том, что там видели кого-то из этой семьи. Многие из них предъявляли настойчивые притязания на российский престол. 31 декабря 1963 г. в США была организована трогательная «встреча Алексея и Анастасии».

Самый большой успех в этой мистификации имела Анастасия, появившаяся на берлинской сцене под именем Анны Андерсон в 1920 году. Она рассказала, что когда начали стрелять в подвале Ипатьевского дома, ей удалось спрятаться за свою сестру, после чего потеряла сознание. Очнувшись в семье солдата, который ее спас. Загадочной истории Анастасии на Западе посвящена серия книг и голливудский фильм. Она поставила рекорд XX в. по длительности судебного разбирательства, которое длилось с 1938 по 1970 г., но осталось без решения. Судьи не сочли возможным признать смерть Анастасии в Екатеринбурге историческим фактом, но и не смогли доказать, что Анна Андерсон есть Анастасия.

Многотомное досье рекордного суда хранится в датском Королевском архиве Копенгагена. Во время одной из командировок в эту страну меня долго «пытала» корреспондентка королевской газеты о том, что я могу добавить устно к своим публикациям по царскому делу. Удовлетворившись результатами, она предложила мне в качестве благодарности просить ее о любой услуге. Я обратился за помощью в доступе к заветному досье. Она сказала, что нет ничего проще, но на следующий день сконфуженно сообщила, что документы помечены грифом строгой секретности на 100 лет. По всей вероятности, родственники Романовых скрывают от любопытных глаз какую-то очень важную информацию, что лишним раз подтверждает международный характер тайны века.

Между тем интерес к ней на Западе велик. Особенно трепетно к этому вопросу относится русская эмиграция. Как-то мне пришлось выступить с лекцией о судьбе Романовых в Синоде

Русской православной церкви за границей (Нью-Йорк). В конце четырехчасовой острейшей дискуссии ко мне подошел старый с отвисшими усами казачий атаман, повернул меня лицом к иконостасу, перекрестил со словами «Благословляю на поиск правды в государевом деле», заплакал и медленно пошел к выходу. Слезы на глазах были у многих. Мучила великая тайна утраченной Родины.

В России интерес к царской судьбе долгое время был приглушен, и тем не менее в годовщину расстрела на ступеньках Ипатьевского дома появлялись красные гвоздики, что вызвало нервность партийного руководства. В 1977 г. по предложению председателя КГБ Юрия Андропова и под руководством Свердловского обкома КПСС, возглавляемого Борисом Ельциным, дом был снесен. Срезали даже скалу, на которой он стоял. Состоялась «окончательная зачистка» Романовых.

Но крот истории делал свое дело. Неумолимо подрывались устои советского строя. Во время горбачевской перестройки хлещущая через край гласность вынесла на своей волне проблему гибели царской семьи. Тогда страну взволновала публикация Рябова в журнале «Родина», в которой сообщалось об открытии царского захоронения под Екатеринбургом (1989 г.). Дело в том, что московский кинорежиссер Гелий Рябов и свердловский геолог Александр Авдониин еще в 1979 г. вскрывали предполагаемое царское захоронение и изымали оттуда три черепа, которые после годичного путешествия неизвестно куда были возвращены на прежнее место. В ответ на этот шаг в 1989 г. была образована Российская зарубежная экспертная комиссия под председательством Петра Колтыпина-Валловского, которая проделала большую работу по изучению подлинности утверждений Авдониина-Рябова и не признала их.

В июле 1991 г. указанное Авдониным-Рябовым погребение было вскрыто, причем в большой спешке, под дождем, в условиях особой секретности, снова за таким же высоким забором, как и расстрел. Отсутствовали духовенство и пресса. Из болотной хляби Поросенкова лога солдаты извлекли девять скелетов предположительно царской семьи и ее слуг. Эта акция вызвала двойное чувство. С одной стороны, Россия вроде бы обрела останки своего последнего императора и приблизилась к умиротворению. С другой стороны, сама находка и сопутствующие ей обстоятельства вызывали массу вопросов, откровенное недоверие многих после того, как до завершения исследований костяки были объявлены царскими.

В том же году латвийский юрист Анатолий Грянник выступил с не менее сенсационным заявлением о том, что нашел следы пребывания

царской семьи в Сухуми. Будто бы она была вывезена туда в обстановке глубочайшей секретности за сутки до расстрела в Ипатьевском доме ее двойников и прожила под теплым небом Абхазии до глубокой старости. Такая синхронность действий Авдонина и Грянника не может не настораживать. Не исключено, что за ними стоят противодействующие политические силы.

Через два с половиной года, 23 октября 1993 г., для внесения ясности в этот вопрос была создана специальная правительственная «комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи», которая функционировала более четырех лет, до конца января 1998 года. Руководство комиссии неоднократно менялось. Первым ее председателем был вице-премьер Российского правительства Владимир Яров. Последним — тоже вице-премьер Борис Немцов. Она провела многоплановую работу, главным образом криминалистическую. Большинство заседаний началось и кончалось выступлениями следователя Генеральной прокуратуры Владимира Соловьева (не являющегося членом комиссии). Речь преимущественно шла о генетических заключениях. Другим вопросам, в частности исторической экспертизе, не придавалось внимания, а между тем рассматривалось не обычное убийство, состоявшееся три четверти века назад. Отсутствие такой экспертизы признано ведущими юристами как нарушение Уголовного кодекса Российской Федерации. Положенная в основу деятельности комиссии записка Якова Юровского, которая была путеводной звездой в поисках захоронения Авдониным-Рябовым, оказалась фальшивкой. Многие исторические факты противоречат выводам комиссии.

Приведем некоторые из них. В Государственном архиве Российской Федерации нами обнаружен документ, из которого следует, что узники Ипатьевского дома выводились из него не одной партией. 7 ноября 1918 г. в Екатеринбургском уголовном розыске в связи с дознанием об убийстве экс-императора была допрошена официантка этого дома Екатерина Томилова, которая показала: «Я хорошо помню и категорично утверждаю, что в тот день, когда большевики на митинге объявили о расстреле бывшего государя, я носила в тот день обед для царской семьи и лично видела государя и всю семью... Спустя один день после объявления в газете о расстреле бывшего государя мне выдали обед для царской семьи только на девять человек (раньше было 11. — В.А.), и я опять унесла в Ипатьевский дом, но бывшего государя, доктора и третьего мужчины я не видела, а видела лишь дочерей Государя... 23 июля в ипатьевской столовой уже не было поваров, и обед для царской

семьи я не носила... Я решила сходить за посудой... во всех комнатах было пусто, и никого из царской семьи уже не было видно». Это показание подтвердила хозяйка квартиры, где жила официантка.

Второй факт связан с прижизненными медицинскими показателями представителей царской семьи, которых при многочисленных разговорах о них правительственная комиссия не смогла обнаружить, тогда как они существуют, в частности, относительно черепа № 4, приписываемого Николаю Александровичу. В том же Государственном архиве хранится документ от 26 ноября 1918 г., где записано: «По заявлению доктора Деревенько (врача наследника. — В.А.) характерной и неизгладимой приметой трупа государя Николая II может служить костная мозоль — след от удара в голову во время посещения его в бытность наследником Японии». Эта информация напрямую адресована современным судмедэкспертам, но они не придали ей должного внимания, сообщив общественности, что костной мозоли нет и быть не могло в связи с незначительностью ранения.

Между тем, из материалов консилиума русских врачей, состоявшегося 29 апреля 1891 г. (в день ранения Николая Романова) в г. Киото, следует другое. В ране был найден клиновидный осколок кости длиной 2,5 см, а шириной 2 мм. Вырубленный кусок не мог не оставить следа. По крайней мере этот след в течение 27 лет (1891–1918 гг.) наблюдался придворным врачом и был отмечен в описании путешествия наследника на Восток, где фиксировалось, что в черепной кости, растреснутой после удара японской саблей, «началось разрушение костного вещества, процесс шел в обе стороны». Косвенным подтверждением этого является и то, что, по воспоминаниям любовницы Николая Матильды Кшесинской, он страдал от постоянных головных болей.

Число подобных исторических фактов можно многократно увеличить, однако они не воспринимались комиссией, в то время как сомнительная записка Юровского абсолютизировалась. Остается необходимость в специальной исторической экспертизе, которая бы исследовала имеющиеся документы и привлекла новые, неизвестные. В пользу возможности существования таких документов свидетельствует хотя бы такой факт, что в печати последних лет появилась противоречивая информация о совершенно секретном подмосковном объекте № 17. Писатель Игорь Бунин в книге «Быль беспредела, или Синдром Николая II» пишет о том, что бывшему самодержцу сохранили жизнь и содержали его на этом объекте вплоть до естественной смерти. К нему будто бы не раз ездил сам Сталин.

А уральский историк профессор Иван Плотников считает, что на этом объекте содержался

генерал-адъютант граф И.Л. Татищев, который был доверенным лицом императора и хранил информацию о царских ценностях. По версии Плотникова, к нему дважды, в 1933 и в 1936 гг., тайно приезжал Сталин для получения сведений о сокровищах Романовых, особенно об исчезнувшем в 1918 г. в Екатеринбурге и разыскиваемом долгие годы «пакете Николая II» с ценными бумагами и важными документами.

Из сопоставления этих версий можно сделать два вывода. Первый — сомнительный. Вряд ли Сталину лично требовалось «трясти» старого генерала. НКВД делало это не менее успешно. Если и стоило кому нанести визит, так это, конечно же, бывшему самодержцу, особенно во время нарастания угрозы со стороны Германии. Второй вывод — утвердительный. Если в открытую печать просочилась информация о суперсекретном объекте, значит, он существовал, а, следовательно, несет уникальную информацию о царском деле. Неужели же компетентные органы ей не располагают?

Судя по документам, обнародованным Бунинем, хотя его произведение художественное, они имеют историческую ценность и коррелируются с опубликованными нами в книге «Гибель царской семьи: мифы и реальность». Допуск историков ко всему корпусу этих документов может сыграть существенную роль в понимании событий, связанных с судьбой Романовых.

Не спасло авторитет правительственной комиссии применение генетических методов, значение которых в данной ситуации преувеличивалось без достаточных на то оснований. В итоге она не решила поставленных перед ней задач, хуже того, усугубила поиск истины в царском деле. Не случайно поэтому ряд ее членов не согласился с ее заключением, заявив особое мнение.

Принятое комиссией решение о признании останков, найденных под Екатеринбургом, подлинными и их перезахоронение в Санкт-Петербурге вызвали неоднозначную реакцию в мире. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, выслушав мои аргументы в пользу необходимости проведения исторической экспертизы, сказал: «Я не махну кадилом на похоронах, пока вы, ученые, убедительно не докажете принадлежность останков царской семье». Он так и сделал, не поехав на санкт-петербургскую церемонию. Туда не прибыл ни один представитель европейских монархов, хотя большинство из них находилось в родственных отношениях с Романовыми. Церковь и европейские династии проявили обоснованную осторожность в признании екатеринбургских останков.

В середине августа 2000 г. состоялась канонизация Русской православной церковью Николая II и членов его семьи. Этот сакральный акт — не политическая реабилитация бывшего самодержца, а признание его истинно христиан-

ского смирения перед мученической кончиной. Подобно ветхозаветному Иову многострадальному (Николай Александрович родился в день его памяти, 6 мая 1868 г., всю жизнь считал себя обреченным на страшные испытания и готовился стать искупительной жертвой за Россию), церковь прославляет Николая II во благо умиротворения Отечества.

Канонизация призвана подвести черту под революцией и Гражданской войной, продолжавшихся в России почти весь XX в., как бы искупить грехи заблудших поколений, открыть дорогу к покаянию и выходу страны из самого тяжелого кризиса за всю ее историю. Благословляя накануне канонизации нашу конференцию «Династия Романовых в русской истории и культуре», Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II отметил: «Мы можем видеть, с одной стороны, слепую идеализацию старой дореволюционной русской жизни, с другой же — суровый гиперкритицизм, совершенно отказывающийся нашему прошлому в положительных характеристиках... Убежден, что первопричина всех бед и несчастий, постигших нашу страну (да и весь современный мир), коренится в человеческом сердце. Без основательного анализа духовно-нравственного состояния общества нам никогда не выйти из того тупика, о котором так много говорится сегодня». Воистину мудрые слова, обращенные не только к ученым гуманитариям, но и ко всем соотечественникам.

Библейский Моисей водил свой народ по пустыне, отыскивая правильный путь, сорок лет, а россиян бездарные правители водят в поисках лучшей доли в два раза дольше. Выходу из этого лабиринта будет способствовать разгадка тайны XX века.

В.В. Алексеев

Противоречия судьбы

В сознании многих людей А.В. Колчак* предстает одиозной и реакционной исторической фигурой. Такая оценка деятельности Кол-

* Колчак Александр Васильевич (4 (16).11.1874, Петербург, — 7.02.1920, Иркутск) — один из руководителей Белого движения, адмирал (1917), ученый. Во время Русско-японской войны командовал эсминцем и батареей в Порт-Артуре. Участник полярных экспедиций 1900–1903 и 1908–1911 гг. Участвовал в Первой мировой войне в должностях начальника оперативного отдела Балтийского флота, командира минной дивизии, командующего Черноморским флотом. В 1918 г. в Омске выбран Верховным правителем, став во главе Белого движения на востоке страны. После ряда военных неудач был захвачен чехословацкими войсками и передан революционному комитету в Иркутске. В 1920 г. расстрелян без суда.